

просты и демократичны: страстный любитель лошадей, он, безусловно, предпочитает цирк опере.

Но есть что-то лихорадочное в поспешной смене всех его увлечений: французской борьбой и погружением в скафандре под воду, охотой и стилем «кроль», тяжелой атлетикой и свободным воздухоплаванием. Есть что-то напряженное в этом стремительном растрачивании сил и нервов в спорте, так же как и в кутежах, которые захватывают писателя и которым от отдается с той же широтой и беззаботностью. Словно в Куприне жило два человека, мало похожих друг на друга, а современники, поддавшись впечатлению одной, наиболее явной стороны его личности, оставили о нем неполную истину. Лишь наиболее близкие писателю люди вроде Ф. Д. Батюшкова сумели разглядеть, что «в нем была какая-то трещина, что-то наболевшее, давнее, накопившееся в результате разных превратностей в жизни...»

Если же мы обратимся к творчеству Куприна, то здесь бросается в глаза знаменательная аномалия. Те сильные, здоровые жизнелюбцы, к которым как будто бы он был так близок по характеру своей личности, в его произведениях оттеснены на задний план. Преимущественное же внимание уделено героям, имеющим с ним мало общего. Вот они перед нами — персонажи, которым Куприн доверяет все свои самые заветные мысли, сокровенные мечты, потаенные радости и страдания: подпоручик Козловский, чувствительный, сотрясающийся от рыданий, «точно плачущая женщина», при виде истязуемого солдата-татарина («Дознание»); инженер Бобров, наделенный «нежной, почти женственной патурой» («Молох»); «стыдливый... очень чувствительный» Лапшин («Прапорщик армейский»); «добрый», но «слабый» Иван Тимофеевич («Олеся»); «чистый», «милый», но «слабый» и даже «жалкий» подпоручик Ромашов («Поединок»).

Где уж тут «неисправимый оптимизм», «неистребимый дикарь», «особенное жизнерадостное здоровье»!

В каждом из этих героев повторяются сходные черты: душевная чистота, мечтательность, человеколюбие, пылкое воображение, соединенные с полнейшей непрактичностью и безволием. Но, пожалуй, яснее всего раскрываются они, освещенные любовным чувством. Все они относятся к женщине с сыновней чистотой и благоговением. «Я обожал ее, но никогда не смел и словом заикнуться о своем чувстве. Это казалось мне святотатством», — признается герой раннего рассказа «Святая любовь», боготворивший содержанку слюнявого старца, которого он по простоте душевной принимал за доброго дядюшку. И в очарованном прекрасной Розой уродце Столетнике, расцветающем однажды в целый век и безответно гибнущем, легко узнается все тот же самоотверженно-жалкий характер («Столетник»).

Устами армейского ницшеанца Назанского («Поединок») в одном из его бурных монологов Куприн прямо идеализирует безнадежное платоническое чувство: «...сколько разнообразного счастья и очаровательных мучений заключается в безнадежной любви? Когда я был помоложе, во мне жила одна греза: влюбиться в недостижимую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, с которой у меня никогда и ничего не может быть общего. Влюбиться, и всю жизнь, все мысли посвятить ей». Не так ли и сам Куприн уже в старости, в эмиграции в течение ряда лет 13 января — в капун старого русского Нового года — уходил в маленькое